

Л. М. Аржакова

Речь Посполитая эпохи Сигизмунда III Вазы

**Рецензия: *Szpaczyński P. P. Mocarstwowe dążenia
Zygmunta III w latach 1587–1618.***

Kraków: TAIWPN UNIVERSITAS, 2013. 413 s.

История Польши периода, предшествующего гибели Речи Посполитой в конце века Просвещения, как и собственно периода разделов, была одной из фундаментальных проблем польской исторической мысли XIX столетия. Достаточно вспомнить о полемике по поводу причин гибели Речи Посполитой, которую вызвало в польской историографии¹ появление «Очерка истории Польши» (1879) Михала Бобжиньского, одного из корифеев краковской исторической школы, или монографию С. М. Соловьева «История падения Польши» (1863), которая живо обсуждалась в польской научной среде. Но и до настоящего времени проблема разделов не утратила своей научной актуальности, ни для польского общества, ни для польской историографии. Лишним тому подтверждением может служить сравнительно недавнее издание монографии видного польского историка Владислава Конопчинского «Первый раздел Польши»², в 1947 г. подготовленной автором к печати, но увидевшей свет спустя более шести десятилетий³. Другое свидетельство научной злободневности темы разделов Речи Посполитой — новейшая монография Дороты Дуквич⁴, посвященная работе Варшавского сейма (1772–1775), на котором польской шляхте предстояло утвердить акт раздела Польши.

Однако в контексте изучения судеб Речи Посполитой не менее существенны и другие вопросы, пусть и отодвинутые от эпохи разделов Польши на пару сотен лет назад. Среди них, в частности, проблема феномена государственно-политического устройства Речи Посполитой, ее роли в Центрально-Восточной Европе раннего Нового времени, истоков соперничества Польши и Русского государства (России) за доминирование в регионе.

Монография Пшемислава Петра Шпачыньского «Державные стремления Сигизмунда III в 1587–1618 годы» посвящена одному из ключевых периодов в истории давней Речи Посполитой, важных как для самой Польши — в широком смысле слова (т.е. для Короны и Княжества), так и для истории польско-русских отношений, особенно обострившихся в эпоху Смуты. Как известно, в правление польского короля Сигизмунда III Вазы не лучшим образом складывались не только польско-русские взаимоотношения, — после его избрания на польский престол испытание на прочность проходили контакты Речи Посполитой со Швецией, нередко давало о себе знать и недопонимание между Речью Посполитой и империей Габсбургов.

В основу исследования Пшемислава Шпачыньского положен весьма обширный круг архивных и опубликованных источников, солидная — старая и новая — историография вопроса. Решение автора монографии не ограничиться историографическим обзором как составной частью вступления, а выделить его в отдельный, первый из четырех, составивших книгу, раздел можно считать вполне оправданным. Уже само наименование историографического раздела — «Речь Посполитая Обоих Народов и Габсбурги, Швеция и Россия в понимании давней и новейшей историографии — польской и иностранной» — свидетельствует о том, что автор предпочел акцентировать прежде всего внешнеполитические аспекты державных стремлений Сигизмунда III Вазы. Историографический раздел состоит из трех частей, в каждой из которых освещается старая и новая, польская и иноязычная, литература вопроса, где рассматриваются отношения между Речью Посполитой и Габсбургами (ч. 1, с. 18–30), Речью Посполитой и Швецией (ч. 2, с. 31–41), Речью Посполитой и Россией (ч. 3, с. 41–51).

Основное содержание монографии поделено на три раздела, где, условно говоря, II раздел можно назвать габсбургским (1587–1592 гг.), III раздел — шведским (1592–1618 гг.), и завершающий, IV раздел — русским (1592–1618 гг.). Видно, что при изложении материала автор монографии строго придерживается хронологического принципа. Обращает на себя внимание, что второй раздел книги, а именно — «Габсбурги в державных стремлениях Сигизмунда III в 1587–1592 годы» (с. 52–154) и четвертый, последний раздел — «Имперские стремления Сигизмунда III в отношении к России в 1592–1618 годы» (с. 244–347), очень близки друг другу по смысловой нагрузке, по ключевой идее. Но если в первом случае главным соперником Речи Посполитой, как и самого Сигизмунда, вчерашнего шведского королевича, выступает империя Габсбургов в лице австрийского эрцгерцога Максимилиана, то во втором, несмотря

на все потрясения Смутного времени, эстафету основного соперничества с Речью Посполитой принимает на себя Россия, — и, по мысли автора, не только не ослабленная, но поднимающаяся и представляющая опасность для соседей (с. 61, 252, 261–262). Принципиальное значение здесь имеет словоупотребление, когда происходит замена словосочетания *державные стремления* в случае с Габсбургами на *имперские стремления* в случае с Россией. Похоже, это выдает твердое намерение Пшемислава Шпачыньского подчеркнуть крайнее обострение борьбы именно между Польшей и Россией за доминирование в Восточной Европе на рубеже столетий, и особенно в XVII столетии. Несмотря на то что хронологические рамки (1592–1618 гг.), фигурирующие в третьем (шведском) и четвертом (русском) разделах книги совпадают, первое место в палитре внешнеполитических дел Речи Посполитой на этом отрезке времени автор все-таки отводит России. Здесь акценты также проявляются в вербальных предпочтениях: если в контексте польско-шведских отношений речь идет преимущественно о сохранении шведского трона, то в контексте польско-русских — возникает прямое указание на имперские амбиции Сигизмунда III, подогреваемые, что вполне ожидаемо, давним, но на рубеже XVI–XVII вв. крайне обострившимся польско-русским соперничеством. Даже следует уточнить: соперничеством широкого плана, которое во многом можно считать следствием различий в политических, культурных, этноконфессиональных традициях, характерных для каждой из соперничающих друг с другом сторон.

Начиная габсбургский раздел монографии с констатации того, что выбор именно шведской кандидатуры, выдвинутой в ходе третьего бескорольевья, наступившего после смерти короля Стефана Батория, открывал перед Речью Посполитой Обоих Народов блестящие перспективы, поскольку объединение со Швецией-Финляндией позволяло «развернуть экспансию на Восток против общего врага — России, стоявшей на пороге большого династического кризиса по смерти последних Рюриковичей» (с. 52), П. Шпачыньский, по существу, обнаруживает своего рода *idée fixe* всей книги. Действительно, большая часть польской шляхты ни раньше, ни теперь не желала избрания достаточно серьезного конкурента шведского кандидата, — австрийской кандидатуры на польский престол, опасаясь свойственного империи Габсбургов абсолютизма (с. 54), столь чуждого духу польского дворянского сословия, дорожившего своей «золотой шляхетской вольностью», что многократно было отмечено в литературе вопроса. Недаром П. Шпачыньский приводит слова знаменитого надворного проповедника Петра Скарги (сторонника укрепления королевской власти в Речи Посполитой, но не поклонника абсолютизма австрийского образца), убежденного в том, что Габсбурги — это те, кто «на шею свободных стремится набросить ярмо, кто насильно желает нами править, считая нас своими слугами» (с. 153).

Зная исход событий, автор монографии будто считает нужным еще раз подчеркнуть, что в 1587 г. Речь Посполитая делала выбор не только в пользу того или иного кандидата, но в пользу определения вектора дальнейшего развития

государства — развития политического и социального. Рассуждая о заключении персональной унии между Швецией, Короной и Литвой, автор выводит на первый план геополитические последствия такого шага, считая, что в результате появлялась возможность создания мощной державы, «протянувшейся от Лапландии до Черного моря, обладающей объединенными польско-литовскими сухопутными силами и шведско-финским флотом, способной противостоять растущей силе России» (с. 61). Кроме того, автор подчеркивает и торговые преимущества заключения союза Короны и Княжества со Швецией против России (с. 81), что для польского общества, разумеется, также имело значение. Попутно нельзя не сказать, что по сравнению с предшествующей историографией П. Шпачыньский чаще предпочитает говорить именно о Швеции-Финляндии, а не о королевстве Швеция (с. 62–63, 122, 155, 159, 165). И упор на Швеции-Финляндии в данном случае представляется не случайным.

Нельзя не отметить, что вне зависимости от контекста повествования, пожалуй, основным для П. Шпачыньского сюжетом, остается сюжет русский, точнее говоря, необходимость сплочения союзных сил против России, где состав участников союза всегда остается неизменным — Польша с Литвой, а также Швеция-Финляндия. Видимо, поэтому автор настаивает на феномене польско-литовско-шведско-финской унии (с. 155–183), всякий раз указывая на ее преимущества как военного союза, направленного против России и способного ей противостоять. Может, как раз поэтому он считает необходимым напомнить о своего рода усилении Швеции за счет Финляндии?

Сигизмунд III, насколько можно судить, действительно грезил империей, но создание империи, как можно предположить, исходя из текста П. Шпачыньского, представлялось ему возможным лишь в одном случае — в случае устранения с политической арены главного соперника Речи Посполитой — России. Существовал, правда, и другой способ одержать верх над соперником, и Сигизмунд III Ваза не сбрасывал его со счетов, о чем пишет П. Шпачыньский, признавая, что на начальном этапе своего правления Сигизмунд III не спешил брать на себя военные обязательства перед потенциальными союзниками. Напротив. Пусть недолго, но он тешил себя надеждой быть избранным на русский трон по пресечении династии Рюриковичей, что позволило бы Речи Посполитой «сохранить status quo, не обращая внимания на Швецию, погруженную в войну с Россией, и на угрозу [Речи Посполитой] с севера в случае сохранения такого положения дел» (с. 155). Получается, что противостояние, включая военное, между Краковом и Москвой, по разумению Сигизмунда III и одновременно на взгляд П. Шпачыньского, было не настолько неизбежным? Вопрос, впрочем, остается открытым. Всё зависело от конкретной ситуации, однако в любом случае Сигизмунд III вряд ли рассматривал такой вариант развития событий, при котором Речь Посполитая отступилась бы от своих намерений по одолению — тем или иным образом (мирным либо военным) — своего основного соперника за доминирование в регионе.

Отметим, что монография П. Шпачыньского, пожалуй, излишне фактологична, и потому ключевая идея, заложенная, казалось бы, в каждом из разделов книги, порой едва угадывается: автор чрезмерно увлекается изложением деталей, которые, впрочем, не подсказывают ему выводов обобщающего характера. Зачастую на него будто давит пресс разнообразных событий, подталкивая к тому, чтобы не упустить ни один из напряженных контактов короля и других политических деятелей Речи Посполитой (Швеции, России, Габсбургов), за которыми, однако, почти теряется державный характер устремлений самого Сигизмунда III Вазы. Приходится констатировать, что дальше утверждений, хоть и встречающихся неоднократно (и даже переданных в тождественных выражениях), что, мол, Корона и Литва вместе со Швецией-Финляндией должны составить деятельный союз ради борьбы с общим неприятелем в лице России, дело, как правило, не идет. Создается впечатление, что автор видит свою задачу в том, чтобы максимально насытить текст живыми примерами, больше того — проиллюстрировать изначально заявленные им державные стремления Сигизмунда III, но при этом оставив на откуп читателю комментарий по поводу созданной автором картины.

Что касается отношений с Москвой, то в четвертом, так сказать, русском разделе монографии П. Шпачыньского при общем сохранении манеры изложения несколько меняются акценты. Теперь автор настаивает, что в сложившейся на рубеже веков ситуации на повестку дня выходит вопрос объединения Польши и России (несмотря на то что каждая из сторон преследовала свои интересы). Интерес Кракова состоял, как пишет автор монографии (и что вообще-то общеизвестно), в том, чтобы не позволить Москве получить доступ к Балтийскому морю, вместе с тем не теряя поддержки со стороны Федора I Иоанновича при заключении польско-шведского перемирия (с. 244–245). В этом разделе книги в максимальной степени отразилось сложное переплетение польско-шведских, русско-шведских, польско-русских взаимоотношений, не без участия в них — то косвенно, то явно — Габсбургов. Отдельный сюжет — вмешательство турецкого вопроса в контекст поименованных отношений, когда после начала войны между Турцией и империей Габсбургов как никогда актуальным стало создание антитурецкой лиги, инициируемой Римской курией, по замыслу которой неперенными ее участниками должны были выступить и Речь Посполитая, и Россия. С точки зрения автора монографии, планы антитурецкой лиги или, во всяком случае, участие в ней Речи Посполитой едва ли можно было признать реализуемым, принимая во внимание тот факт, что «усилия имперской дипломатии по поводу лиги против Турции всегда использовались в Кремле как возможность заключения союза против Речи Посполитой» (с. 245). Другими словами, Краков не проявлял особого сочувствия к лиге, не доверяя главным ее предполагаемым участникам — ни Вене, ни Москве.

На страницах монографии Пшемислава Шпачыньского в избытке событий и действующих в них лиц, недостает, однако, свидетельств заявленной

изначально идеи исследования, а именно — державных, имперских стремлений (или амбиций — как угодно) польского короля Сигизмунда III Вазы. Конечно, имели место притязания польского короля на шведскую корону, подразумевавшие далеко идущие планы, но окончившиеся неудачей и спровоцировавшие череду польско-шведских военных конфликтов. Имело место — вполне успешное для польской стороны на определенном этапе — вмешательство в русские дела. Налицо — свидетельствующий о славе польского оружия опыт отражения турецкого натиска, если вспомнить победу поляков над турками под Хотинном (но оставить за скобками поражение под Цецорой). Но даже всё это вместе взятое совсем не обязательно следует классифицировать как имперские амбиции. Внешнеполитическая активность, особенно учитывая ослабление соседа-соперника, конечно, присутствует, но была ли эта активность уровня имперских притязаний? Поэтому неизбежен, с некоторым провокационным оттенком, вопрос: означает ли это имперский, по сути своей, характер политики польского короля Сигизмунда III Вазы? Если судить по монографии П. Шпачыньского, абсолютной уверенности в этом нет, тем более что и сам автор невольно признаёт, оценивая ситуацию 1615–1616 гг., что «русская сторона, будучи досконально осведомлена о трудной ситуации польско-литовского государства, держалась упорно, не выказывая ни малейшей склонности к уступкам» (с. 338).

Отсутствие ответов на вопросы отнюдь не риторические, однако, не повод усомниться в том, что Пшемислав Шпачыньский вполне правомерно выступил с заявлением о державных и в известной мере — имперских стремлениях Сигизмунда III Вазы. Правда, остается сожалеть, что автор монографии раз за разом всего лишь дублирует основной тезис: Сигизмунд III «с начала своего правления в королевстве Ягеллонов был ориентирован на подчинение России в союзе польско-литовской Речи Посполитой со Швецией-Финляндией. Сигизмунд III и его отец Ян III были одержимы великой идеей объединения потенциала обоих балтийских королевств ради решительной битвы с растущей силой Москвы, агрессию которой в конце XV в. испытали на себе финны и литвины, а в будущем, что легко было уже тогда предвидеть, русская агрессия будет угрожать полякам и шведам» (с. 348). С одной стороны, подобные формулировки имеют право на существование, но с другой, они едва ли не лишают смысла детальное исследование событий, поскольку создается впечатление, что исследователь занимается разысканием только тех свидетельств, которые позволили ли бы ему подтвердить определенную интерпретацию известных фактов.

Вместе с тем следует признать богатство, образно выражаясь, самой идеи имперских амбиций Сигизмунда III (читай — Речи Посполитой), которая заявлена в монографии Пшемислава Шпачыньского, добавив при этом, что идея имперских амбиций в Речи Посполитой раннего Нового времени буквально витала в воздухе. По-своему ее ощущали, пусть и не спешили (да и вряд ли были готовы) таким образом формулировать, соотечественники-современники, чутко улавливали, отражая на страницах многочисленных сочинений, поль-

ские публицисты и историописатели, развивала и популяризировала польская историография Нового времени. Другими словами, плодотворная идея державных ли, имперских ли стремлений Сигизмунда III Вазы вполне может быть дополнена и усилена ради более адекватного отражения ситуации. И прежде всего за счет характеристики своеобразия свойственного шляхетскому обществу мировосприятия и самооценки, в полной мере нашедшего отражение в сарматизме⁵, положенном в основу национальной идеологии Речи Посполитой, что — в переводе на современный язык, — можно расценивать как проявление имперскости в мировоззрении польской шляхты.

Иначе говоря, не приходится сомневаться, что сама идея книги, как и ее содержание, способны указать внимательному читателю на новые аспекты и ракурсы исследования проблематики, далеко не исчерпанной.

¹ Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. № 12. С. 340–432.

² Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. Kraków, 2010.

³ Zielińska Z. Wstęp edytorski // Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. Kraków, 2010. P. LII–LIX.

⁴ Dukwicz D. Rosja wobec sejmku rozbiorowego warszawskiego (1772–1775). Warszawa: Instytut historii PAN, 2016.

⁵ Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

References

Kareev N. I. Novejšaja pol'skaja istoriografija i perevorot v nej. [The latest Polish historiography and upheaval in its] // Vestnik Evropy. 1886. N 12. S. 340–432.

Leskinen M. V. Mify i obrazy sarmatizma. Istoki nacional'noj ideologii Rechi Pospolitoj. [Myths and images of the Sarmatian. The origins of the national ideology of the Rzeczpospolita]. M.: Institut slavjanovedenija RAN, 2002.

Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. [The First Polish partition]. Kraków: Arcana, 2010.

Zielińska Z. Wstęp edytorski. [Publisher's foreword] // Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. Kraków: Arcana, 2010. P. LII–LIX.

Dukwicz D. Rosja wobec sejmku rozbiorowego warszawskiego (1772–1775). [Russia in relation to the Warsaw Sejm (1772–1775)]. Warszawa: Instytut historii PAN, 2016.

Список литературы

Кареев Н. И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. № 12. С. 340–432.

Лескинен М. В. Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М.: Институт славяноведения РАН, 2002.

Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. Kraków: Arcana, 2010.

Zielińska Z. Wstęp edytorski // Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. Kraków: Arcana, 2010. P. LII–LIX.

Dukwicz D. Rosja wobec sejmku rozbiorowego warszawskiego (1772–1775). Warszawa: Instytut historii PAN, 2016.

L. Arzhakova. Review of the monograph: Szpaczyński P. P. Great-power aspirations of Zygmunt III in 1587–1618. Kraków: TAIWPN UNIVERSITAS, 2013. 413 s.

Аржакова, Лариса Михайловна, д. и. н., доцент кафедры истории славянских и балканских стран Санкт-Петербургского государственного университета.

Arzhakova, Larisa, Dr. of Sciences (History), assistant professor, St Petersburg State University.

E-mail: larjak@mail.ru